

5. Выборг

В своих интересных воспоминаниях «Мозаика жизни» наш однокурсник Гена Соловьев упоминает о моей самовольной отлучке в Питер во время военных сборов в Выборге и посадке за это на «губу» (рассказ №14, 1-й том, страничка Г.Соловьева на сайте курса matmeh1967.ru). Хочу «от первого лица» дополнить его рассказ.

Дело было в 1966 году, в Выборге. На летних сборах на территории военной части находились математики нашего курса. Тогда письма по почте еще шли быстро, и вот приходит письмо от моих родителей из Пушкина, где среди прочего сообщается о звонке студентки нашей группы Иры Берман. Оказывается, я не вернул взятую почитать библиотечную книгу, которая числится за ней. И теперь, до возвращения книги, Ире задерживают стипендию. Почувствовал я себя в моральном плане после такого письма, мягко говоря, не здорово. Что предпринять? По неопытности наделал ошибок. Во-первых, решил, что нет никаких шансов получить разрешение на поездку для поиска книги в Пушкин в воскресенье (это был выходной день для солдат, но уйти из части можно было только по разрешению). Причина - мои натянутые отношения с майором со спецфакультета, который нами командовал. Теперь, однако, я думаю, что шанс был, тем более если бы я показал ему письмо (увы, умение видеть и в неприятном тебе человеке **человека** — штука не самая простая). Ну, после этого решения оставалась только «самоволка», что и было осуществлено в ближайшее воскресенье. Неплохо подготовился к путешествию и продумал многие детали. Но после завтрака, когда меня уже не было в части, майору вздумалось перед походом студентов в кино провести переключку... Добирался я до Пушкина, а потом обратно в тренировочном костюме, большей частью бесплатно - на попутных машинах, в основном грузовых. Вернулся уже вечером. Караульным у ворот был наш однокурсник. Он, конечно, пропустил меня, но сказал: "Где ты был?! Тут весь курс из-за тебя вместо похода в кино занимался поисками". Вскоре меня вызвали к майору. Я запирался, как партизан. Однако майор нашел косвенные доказательства и отправил меня на 10 суток на гауптвахту. Теперь ясно, что в моём запирательстве было мало смысла. Более того, не исключаю, что в случае признания срок «губы» был бы меньше (последние 3 из этих 10 суток уже выходили за пределы месячного срока сборов).

Первые 7 дней я должен был провести в одиночной камере. Гарнизонная гауптвахта Выборга находилась в здании бывшей царской тюрьмы. Когда меня привели в «одиночку», там работал плотник — заколачивал фанерой форточку, разбитую моим предшественником по камере. Предшественника отправили в карцер, а мне очень быстро стала ясна причина его поступка — дышать в камере было абсолютно нечем. Жара - и концентрированная, убойная духота в одном флаконе. Приходилось то и дело «присасываться» ртом к замочной скважине и пытаться дышать через нее воздухом из коридора. Кровать железная, приделанная к полу, без матраца. Попытки перестукиваться с соседями бесполезны — ничего не слышно. Бесполезны также попытки оставить какую-нибудь надпись — даже царапание ногтем по стене не оставляет следа. Во время редких встреч (как правило, при выходе на прогулку в тюремный двор) арестанты передавали друг другу запрещенную в тюрьме литературу: помню старый рваный журнал «Юность» и музыкальный словарь. Для скрашивания одиночества я изобрел для себя какие-то умственные занятия. Не помню точно, какие — математику с этим нет проблем, может быть, думал и о теореме Ферма.

На 8-й день меня перевели в общую камеру. Здесь более опытные сокамерники объяснили новичку, что ему повезло. Духота в одиночке — мелочь! Вот зимой, при отсутствии отопления, десять дней «губы» - и ты начал бы харкать кровью. Отопления в камерах действительно не было; помню, что в 1960-е в

Ленинграде зимой во многих дворах еще заливали катки — оттепели случались редко; между прочим, Выборг севернее. Отношения сокамерников были довольно дружелюбные, мне повезло и в этом. Не помню ни одной драки или серьезной ссоры. Довелось выслушать много поучительных житейских историй. На 2-й (для меня 9-й) день — еще везение. Нас повели... на работу! Куда? - Попробуйте, уважаемый читатель, догадаться, не подсматривая ниже.

Шли пешком, нас вёл конвоир — сержант с автоматом. Жара плыла невообразимая, шли под прямым солнцем. Проходя мимо городского пруда, стали просить конвойного: дай хоть окунуться, невозможно...Уговорили! После того, как мы окунулись, сержант не выдержал, попросил нас посторожить автомат и окунулся сам.

Ну, а теперь разгадка. Вели нас домой к одному полковнику пилить и колоть дрова. Так что использование солдат (в данном случае арестантов) как бесплатной рабсилы в личных целях не сейчас началось. Признаюсь, мы не были в претензии. Во-первых, размять мышцы молодому парню не в тягость. Во-вторых, новые впечатления — как-никак, воля, не говоря уже о купании! И, самое главное, в-третьих: жена полковника угостила нас мясным борщом, показавшимся необыкновенно вкусным...

При расставании с воинской частью выяснилось, что за время сидения на «губе» пропала часть моих вещей, а никого из Университета уже нет. Так что ехал я домой в автобусе «зайцем». Вид мой был устрашающий: небритый, в каких-то обносках. Настоящий арестант. Подошедшему кондуктору, посмевавшему поднять на меня робкий взгляд, я ответил, полуприкрыв глаза, ленивым, медленным, с чувством собственного достоинства покачиванием головы (нет!). Он не настаивал...

Заканчивая рассказ, позволю себе небольшое философское обобщение. В советские времена нередко цитировали фразу Ленина (да и теперь тоже цитируют, без упоминания автора), что сущность наказания не в его жестокости, а в его неотвратимости. Не жестокой была, по-видимому, и царская тюрьма в Выборге, где попадавший туда зимой арестант мог за пару недель получить чахотку. Существовал и популярный партийный лозунг: «Всё во имя человека, всё во благо человека». Во благо человека было «потребление» воздуха летом прилипшим к замочной скважине ртом. Логика такая же, как в миниатюре Ф.Кривина «Осуждение Прометея»: Гефест пронзает его копьем и приговаривает: пойми, дорогой, это для твоего же блага!

Для меня эта **царско-советская тюрьма** символизирует одинаковую глубинную сущность всех режимов, которые эту тюрьму использовали. Судя по особенностям нынешнего времени, не стоит удивляться, если тюрьма до сих пор служит по назначению. Бывает, меняются разновидности общественного устройства, во время перемен значительное число людей искренне поддерживает их, порой даже за них воюет и верит в то, что теперь наступят справедливые порядки. 1825-1861-1917-1956-1985...Россия пытается освободиться от тюрьмы. Но пока тюрьма (пусть и в переносном смысле) стоит на своем посту...